

МАРИЯ

СТЕПАНОВА

Против лирики

Ангедония. Проект Данишевского

Мария Степанова

Против лирики

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Степанова М. М.

Против лирики / М. М. Степанова — «АСТ»,
2017 — (Ангедония. Проект Данишевского)

ISBN 978-5-17-098661-3

В книгу избранных стихотворений Марии Степановой – одного из самых известных на сегодняшний день российских поэтов – вошли произведения 1995–2015 годов, представляющие авторский взгляд на возможность лирической речи в современной культурной ситуации.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-098661-3

© Степанова М. М., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

I часть	6
Женская персона	8
Часть первая	8
Часть вторая	19
20 сонетов К. М.	27
Негр	35
Тут – свет	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мария Степанова

Против лирики

© Мария Степанова, текст
© Кирилл Ильющенко, дизайн, верстка
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

І часть

К новому году (с немецкого)

Маятник радости
Ходит на воле —
В давеча, в после,
Встарь и сейчас
Сеет подарками
Старыми-новыми,
Все, что умеет, доверчиво кажет,
Вдаль и подальше
Дает заглянуть.
Как бедовали, туда не смотри:
В темной давилъне
Точили по капле,
Выжимали
Из немощи верность,
Нежность из похоти и стыда.
Как на аркане,
Нас тащит надежда:
Только вперед! Только вперед!
Ясные песни, что там вы вьете,
Грудь мне тесня?
Что потонуло, кануло, несть,
Память просушит,
Она баловница,
Вот так диковина,
Вот так рассказец —
Старые крепи
Встали на место,
В старом конверте
Новенький мир.

Да не обманут нас складки скатерти:
Вот, как ребенок, дичась, от матери,
Старую пору прячут под стол.
Выберем время, зажжем светильники,
Чтобы любовь на свету сияла,
Тайный жар согрел в темноте,
Чтобы застали новое новыми,
Новое – новых нас.
Как на катке на голые лезвия
Встали с тобой разойтись и свидеться,
В сквози и швы, проемы и вырезы
То провалиться, то помелькать, —

Пальцем настойчивым, равнодушным,
И постоянным землебиеньем,
И неуклонным слабым наклоном
Тянет и пятит, кренит и клонит
В новый нас год.

Женская персона

(1996)

Женской слабою персоной
Пенье соловей пятнает.
Как хозяйка на подушках
Озирается и тает,
Райские края сирени
Соловей, невольник воли,
Как чекушку осушает.
Девку он окаменелу
От себя в полуаршине
День на ужас парку держит.

Опусти ее в батисты,
Наготу и тьму телесну,
Не смуди ее бесстыдства,
Разлюби свою любезну.
Пятку, темечко и локоть,
Первенцев науки трогать,
Зренья ветхая столица
Пусть сморгнет и устыдится.
Ты зачем простую девку,
Розоватую Венерку,
Будто смирную скотину,
Подставляешь фейерверку?
Будто за ногу узлами,
Привязал ее к поляне,
Нудя женственное горло
К трели наместо глагола?

Женской, слабою персоной
Пенье соловей пятнает!

Часть первая

Цыганска, польска я, еврейска, русска —
Толпой при праздничном столе.
На шее виснет жалобная буска
Из горных, горло, хрусталей.

Негаданные предки развлекаться,
Как этажи, обрушились на блюще.
Вот комарьем вокруг локтей завьются,
И бабушкам ко мне не протолкаться.

Я на балконе и рукой, и пяткой
Расталкиваю мимо пролетучих —

Пусть не со мной они играют в прятки,
Не мне поют и не собьются в тучу!

Нас род ли, кровь не топят, как котят,
А только тешатся, почему хотят.
Разденут Любку и ведут на рынок:
Там муза мускул пробует рукою,
Оценивает нас – скакать на коей.
И каждый день рожденья – поединок.

* * *

Сирень под вечер выбирала
И мыльным веником несла.
Лицом к земле она цвела
И я ее не уважала,

Таща домой – вниз головою —
Небезупречное живое.

Усну ли пьяная в кустах,
Очнусь глухой и безобразной —
И прянешь ты лизнуть в уста,
Как пудель ласковый и грязный.

* * *

То со страстью дождь, то птица: «Пити!»
Льнут к ночной рубашке безграничной,
Не давая мне одной побыти
Как желток во скорлупе яичной.

Зря я, что ль, вставала, не будя,
Ощупью отыскивала пиво
И белье сушимое брезгливо
Раздвигала, проходя?

* * *

Ты пришел, мое занятие,
С чем-то мелкого цветенья,
Не цветы и не кустарник
И недолго проживут.
Немудреное растенье,
Мелкий, меткий белый цвет.

А хотелось мне в подарок
Расписную щикатулку,

Крышка в розах и лилеях,
А поставишь на живот,
Повернешь проворный ключик —
Заунывно запоет.
И на озере зеркальном,
Отражающем июнь,
Как во гробике хрустальном
С балериной балерун
Повернутся, повернутся,
Завертятся, как волчок —
Упадут, где плюш зеленый
Меж колечек и серег.
Подари мне, друг, шкатулку,
Чтоб играла в тесноте,
В том подгрудном закоулке
Меж коленок и локтей.
 Попрошу – и не подаришь.
И на том не прогадаешь.

Подарил бы эту малость —
Век бы ею занималась.
И с тобою не сидела,
И тебе не улыбалась,
И в глаза бы не глядела.

* * *

Перемогаясь госпожой
На даче стылой и чужой,
Боюсь преступников захожих,
Зверей, ревущих во лесах,
Сухих травинок в волосах
И ссадины на нежной коже.

В полудни на земле лежу,
Как свежевыловленный омуль,
Колени тонкие кажу
И живота глубокий омут.
И так деревьям я гадка,
Личинка блеклая, бессильная,
Прикрытая тряпицей синею
До червотчины пупка.

* * *

Я вчера на кладбище ходила,
Восковым веночком любовалась,
Взглядом по воротам проводила,
Разве только на ночь не осталась.

Нам куда ж от кладбища деваться?
Напроситься с милым погулять,
За крестом железным целоваться,
Принужденно плечи оголять,
Впалой кошкою вжиматься в тело,
Как стакан, в минуту опустеть —
Чтобы равновесье налетело
Бурей, как пристало налететь.

* * *

Слоем пыли, не упоением духа,
Жира тонкой пленкою, золотистой
Ты, любовь, в квартире расположилась,
Разлеглась, разъелась, выкатив брюхо.

Ты, тетрадь, уныла, – плохой соложник.
Разве что ладонь на тебя положишь,
Чтоб глядеть в прозрачные донья страсти
Хоть от всей души, но уже с балкона.

* * *

Балкон при мне как садик монастырский.
Сказала бы «альков», но не таков.
С него могла до облаков —
И деревенькою сибирской:
Чего б исхитить на корысть
И как баранку дома грызть?

Балкон при мне как садик мелкий
С целебной травкою прищепок,
С вареньем, тазом и бельем.
В его ущелье мы вдвоем

Среди подветренных рубах.
Раздвинуть их и зренье сузить,
Чтобы – подзорная труба:
Тебя увидеть и унижить.

* * *

Зря тебя я в парк уговорила,
Знала бы – отправилась одна,
Хоть у пруда сердце разморило
Над бутылкою грузинского вина,
Потому что в парке есть Венерка

С мелким на ладони голубком,
С лисьим личиком, с двуострым подбородком.
К ней бы я отправилась тайком.
Встала, выгнулась, простерла пясти,
Выясняла бы до поздней ночи,
У кого из нас побольше власти,
Кто белей, милей и крутобоче.

* * *

Все, что мило мне, все, что нежно —
Полминуты, когда над рекой,
Как в бутылке, в вагоне метро
Пролетела – и вот уже нету.

Мне правда дольшая и не была нужна.
И мыльные, обласканные очи,
Как руки под воду – в залистанный журнал.
И под землей кротом вернуся к вечной ночи.

* * *

С утра синели васильки.
Как дуло, взгляд на них наставлю,
Пускай седеют на глазах.
Весь цвет вопью – и облизнуся.

Невольно утирая рот,
Справляю им сороковины.
Одни густые сердцевины
Зрачок голодный не берет.

Так, что ли, буду в зеркалах
Своим ущербом тешить зренья,
Глядеть, раздевшись догола,
На тела бедное строенье.
Морщины шеи, вялость век,
Еще не мыслимые складки
Я поощрю единым взглядом.
И так стареет человек.

Бока оглаживать руками,
Тая бывалую заразу:
Биение срединной ткани,
Уже не лакомое глазу.

* * *

Руку запустишь – вынь из воды,
И, тяжелея, повиснут на пальцах
Краткие прихоти, сердца следы,
Раки речные в накрашенных панцирях.

Жадной хозяйкою день ото дня
Исподволь вас приучаю к заботе
И сожалею, что после меня
Сиротами побредете.

* * *

Моря бы не зреть у моря, око!
Лодкой высохнуть и расслоиться
Вне его волнующей водицы.
И не пить на набережной сока.

Полежать на пляже с москалями,
Голову и плечи раскаляя,
И чернеть в дверном проеме юга,
Как пустая, глаженная юбка.

* * *

Так близко дерево ко мне,
Как будто нас вчера венчали.
В нем как в чулане при огне
С полузабытыми вещами.

Не знать неловко, кто со мной.
Скорее тополь, а не липа,
Так тесно ты вокруг налипло
И колыхаешься чудно.

Вот так невест и воровали!
Вытягиваясь и мертвея,
От сердца корень отрываю
И белкой падаю с ветвей.

* * *

Ленивица, встань-ка с постели!
Себя бы я за ногу в утро втянула,
Когда б не сидела в расслабленном теле,
Как в деснах здоровые зубы.

А может быть, мне и самой это любо —
Смотреть на рассвете без тени вины —
Как плыть на спине или падать с качелей —
На вещи, которые стыдно смотреть.

* * *

Как пьется пиво под грозой!
Оно – вовнутрь, вода – на голову,
Размачивая чувство голода,
Давя излюбленный газон.

Конечно, ноги промочу.
Потом, в тазу себя стирая,
Растрепанная и сырая,
Мурлычу или бормочу.

Похоже, в свежее переобули
Глаза, набитые весной несрочной.
Перегибаясь, буркнешь «гули-гули», —
И веет дух над костию височной.

* * *

Рыбницей стеклянной, голубою.
То ее ты под воду подставишь,
Чтобы набухала, почернела,
То ее на солнышке подвесишь,
Чтобы колыхалась, отражая.
Иль зароешь в ямку земляную,
И тогда тебя я не миную.

Жалко было мне солнцестоянья
И небес пятнистых и рябых,
Что уже не хочется сандалий
Или платиц грубых и любых.
Принесите горы полотенец!
Вот сейчас себя из ванны выну,
И, как новорожденный младенец,
Буду непотребна и невинна.

* * *

На холод – что в омут: морочить нутро!
Как хлебные крошки – за окна, в рассадку.
Клюет и грохочет гроза у метро.
Из дома – как в яму – проветрить досаду.

Ах, страшен и лаком ночной светофор,
То выблеснет алым, то подзеленит,
И что-то гудит у него в сердцевине,
Когда прохожу, запахнув дождевик.

Я за угол, за угол, в страха середку,
Чтоб сердце щетинилось и зависало,
Чтоб зрение вывернулось наизнанку
И это, как сводку, внутри записало.

* * *

Как скачут на излете конь и всадник,
Не в силах брать высокие барьеры,
Я выхожу в подспудный палисадник
Пожаловаться на твои манеры.

Покуда, друг, ты расставляешь шашки,
Я думаю о том, что, вероятно,
И темные под небесами пташки
При ближнем взгляде неприятны.

Как свесясь с подоконника в больнице:
На что бы мне иное польститься?

* * *

Собираюсь уснуть – и висят надо лбом
Ваши, розовы, лица, как фотоальбом,
Разлетевшийся к ночи толпой комарья,
И от вашей любви я сама не своя.

Как бы нравились мне вы отдельно, вразмен,
Будто каждый – со львиною мордой кольцо,
Красовались на пальцах головки в размер,
Узнаваемые в лицо.

Чтоб на пальце любом – с ноготок голова
Уронила слезу, говорила слова,
Улыбалась бы мне приглянуться
Отражением с чайного блюда.

Чтобы кудри вились, чтобы вас баловать,
А когда надоест – повернуть
Примелькавшимся ликом – ладони вовнутрь,
Или снять, подарить, задевать.

Чтоб глядели глазами из правой руки

Говорящие, ангельские перстеньки.

* * *

В малом зеркальце – и посмотреть противно
На немилые черты.
Лучше мы его закрасим или спрячем,
Чтобы вовсе не глядеть —
На тебя ли, на себя.
Если же придется отражаться, —
Сыпать пудрою на бледное лицо,
Опрокинутое, как во гробе.

* * *

Как на блошином рынке тряпку счастливую,
Вдруг себя обнаружишь – ах, хороша!
То растянусь, то сожмусь я аккордеоном,
То побегу, то рыдаю, – умею все!

И разлетишься, не зная, чем бы потрафить,
Схватишь – роняешь, сядешь – и снова вскочишь,
Да и стоишь, как царский дуб за решеткой,
Ах, междустрастья в сладостном промежутке.

* * *

Буду нынче маме я звонить.
Ей в Германии туманной
Глаз уставший вскроют, как ларец,
И хрусталик уместят стеклянный.

Чем подменят зрение потертое?
Близкое исправят на далекое,
Так что птицы полетят подробные,
А подол знакомый расплывется.

Вот сажу и тайно примеряю,
Как себя осваивает взгляд,
Где зрачок нечеловеческий вживляют,
Будто лифт и лестницу роднят.

* * *

Как рабыню-туземку уводят в полон,
Удивляясь на кожу и кольца в носу,
Так на проданной даче – немилые люльки
И похабные женки гуляют в саду.

Не пойду, подкрадываясь, за забор заглянуть,
Чьи там пятки мелькают и музыка хлещет,
Чтоб ее, как раскаявшийся обольститель,
Не хватать за рукав, и ступени-перила
Не тянуть, причитая, к губам.

* * *

Были б деньги, покупала бы одне
Я с духами махонькие скляницы,
Нюхом чуяла, которая приглянется,
Ворковала бы над ней

Не за тем, чтоб капельную жидкость
За уши втирать, а чтобы тело,
Мелко дергаясь, как под коленом жилка,
От дремучей жадности лютело.

* * *

Еда на цвет творожна и мясна,
На ошупь вроде доли несвоей:
Сперва заманчива и неясна,
Но беженцем ютится на столе.

Зачем лечу, как щука на блесну,
На всякую нелестную покупку,
И зажимаю денежку в плюсну.
И, распустясь, одергиваю юбку?

Аж до дому еще не добредя,
На ближней лавке развернуть искомое,
Поморщиться, едва ли разглядя,
И вежливо нести, как насекомое.

* * *

Как голову – в торбу с овсом ли, в ушат,
Простуда недлинная тонет в ушах,
И, как ни гнушаюся этими шорами,
И в горле царапает, и ноет в коленках.

Себя ли не бросить, как мокрый платок,
И лишь любоваться, как платья повисли,
В которых могла б отводить локоток,
Теперь для души от души ненавистный.

Как рыхлую грядку, вздымая кровать,
Огромным початком сырым и бессонным,
В горячей перчатке лежать-упревать
С целебной таблеткой во рту огорченном.

* * *

Как бы ни лить дождю, виден вокзала кров,
Дремлющих бабок ряд, смятых ромашек сноп;
Свечи горят в цветах, стеклянных во коробах;
Тучные барышни переминаются.

Синие вон размыты огни, долгий гремит состав,
Темный бредет солдат. – Чужую свободу,
Сладко мне разминать некий души сустав,
Как попрошайка, к тебе жаться и кланяться.

* * *

На перилах, вынесенных в ельник,
В ветках налетевших, при луне,
Захмелевшее жужжит охвостье,
Кровопоийствуя по всей моей длине.

Что ли, я как лампочка горю?
Или просто я хозяин хлебосольный:
Этих тварей досыта кормлю
И беседой потчую застольной.

* * *

Грелку лирой на живот кладу
И полеживаю в одеялах,
Будто драгоценности краду
Или документы потеряла.

Лестно поутру не подниматься,
Псом ворочаться во конуре
И вполгорла, нежно откликаться
Бульканью в резиновом нутре.

* * *

Синенькой с пламенем – ах, красота! —
Ткани купила бы на сарафан,
Зная: вовек не сошью, и, едва надоест,
Первой же гостье отдам в первые руки.

Сколько кружавчиков мне на передник
Чудных нашла подруга!
Рыбу ли чистить в таком? Знаю, смутясь:
Крошки смести со стола – и то неудобно.
Разве на стенку повесить, и, сидя, глядеть,
Ждать, кто раньше устанет, глаз ли, узор.

Сумку едину желаю из кожи свиной —
Пазуху жаркую для жалобной жизни.

Часть вторая

О льве и медведе

Лев в пустыне, медведь в берлоге.
Лев при гриве, медведь в малине.
Лев из царей, медведь из чащи
Встретились на дороге.

Лев кружится, как подсолнух.
Лев ревет в полях просторных.

А медведь пригорком бурым выпятил башку
И сидит как рыболов на бережку.
Лев и бесится, и вьется, а медведь молчит
И внутри его гармоника ворчит.

О бледности

Так она бледнела, что ни утро,
Будто воду из нее лакали,
И сидела на балконе углу,
Подпирая щеки кулаками.

Цвет с нее слезал, как позолота:
То над глазом грянет, то в предплечье,
И ее водили на заводы —
Подрумянить у плавильной печи.

Вылиняв, она стянула платье
И распалась на шнурки и прутья.

О воде

Там страшные есть адмиралы.
Матросы составили круг
И смотрят, как зреют кораллы

На пальцах раскинутых рук.

Суставы в щитках перламутра
И в клетке щебечут грудной
Крылатые рыбки-амуры.
И мягко песчаное дно.

Чуть фосфором вспыхнут сигналы
В прослоенных влагой снастях,
Матросы бегут в арсеналы
И дудки без звука свистят.

Подводные флоты в пучине
Послушно встают на места
И лодочку в моря морщине
Подхватывают под борта.

Распущена, витиевата,
Врачиха из пансионата
Спускается свысока —
Как снег на лицо моряка.

И это в бездонную бочку
Волны погружает зубец
Эскадре желанную дочку,
Уловленную, наконец.

О толстухе

Толстуха сидит над ручьем,
Молодыми ногами суча,
Сияя крахмальным бельем,
Разогретым кивая плечом,
Ждет королевича.

Как далеко до деревни!
Как на припеке темно...
Нависая, деревья
Стрекочут веретеном.

В корзине наливка, бутылка молока,
Козий сыр и белый хлеб.
До рассвета от старого жениха
Толстуха пряталась в хлев.
И ветхое кружево – завесить лицо,
Когда на мизинец натянут кольцо.

Она не вернется домой!
Она налегке, без поклажи.

Когда же
Раздастся условленный свист?

Отстиранных юбок висят паруса,
Меж пальцами ног пробегает ручей, и
Она содрогается, точно качели,
Готовые вывернуться в небеса.

О близнецах

Близнеца близнец торопит,
Поезд утренний гудит,
Ну а тот едва ли к стенке
Повернется, томный, квелый.

Близнецу близнец умильно
Кудри чешет, щеки гладит,
Ну а тот, смежив ресницы,
Поддается без ответа.

Близнеца близнец качает,
Говорит и раскричится,
Губы алые скривит,
По щеке его ударит, —
Опрокинувшись в подушки,
Брат лежит, не шелохнется.

Порошком зубным, сыпучим
Близнецу близнец подкрасит
Переменчивые веки,
Руки сложит на груди,
Зеркальце поставит рядом,
Отражения сравнит —
И на цыпочках из спальни.

Ах, гостиничные ложа!

Скорый поезд пробегает
Виноградники и чащи,
Как надкушенная груша,
В нем близнец без близнеца.

И отрезанной косицей
Под хлопчатой простынею
Отчуждается близнец.

О юношестве

Замерзший пруд катком зеленоват.

Лягушка на краю чернильной пролуби,
И юноши, воркуя, точно голуби,
Спешат коньки стальные надевать.

По сторонам бело. Собачьи своры.
Пушистые перчатки из ангоры.
Как ласточки, летающие кругом,
Как верховые, как упряжка цугом,
Они легко катятся друг за другом.

Скользит рассеянная вереница
Вдоль полыньи, которая дымится.

Там пучеглазье рыб под самой крышей.
Со всех сторон щекочат плавники,
Свет синеват, вода в глаза и уши,
И льды трещат, и шаркают коньки.

О воре

Встречают самолет из Крыма.
В ушах лепечут бубенцы.
Дома прозрачны, как ларцы,
Любые стены проходимы.

Над краем вор воротника
Поглядывает глазом карим,
Под белокурьем парика
Похож на брата-двойника,
Во мгле прохожими толкаем.

Ему, как страсть, ночами снится
Тайник под пятой половицей.

И печи, угли, зеркала,
Огарки в ящиках свечные,
Светила страшные, ночные
Глядят из каждого угла.

Все загорается, ощерясь,
Отваливается, как челюсть,
Мерцает, тлеет, пышет жаром,
Глазеет грудой леденцов.
И в пальце застревают жаром
И не снимается кольцо.

О шпионе

Меж столиков под липой

Шпион тебя искал.
Смешон его оскал
И прядь ко лбу прилипла.

Пришла бы ночью на вокзал —
С собою он тебя бы взял.

Любила бы всерьез —
Тебя бы он увез.

Там шубы меховые
И снежные поля.
Там розовая водка
И пьяная земля.

Когда бы не был он убит,
Когда бы он – меня любил,
Я босиком за ним бы шла,
Я нагишом за ним бы шла!

Едва апрель заморосит,
Шпион по парку колесит,
И пули клювами торчат
Из головы и у плеча.
Он заикаться перестал
И повторяет неустан...

– Лорелей,
Лорелей,
Лорелей...
– Трижды эхом в груди моей!

О шофере

Вот грузовик забирается в гору.
Вот проезжает по темному бору.
Крутит баранку шофер полусонный,
Не отгоняя летучие сонмы.
Плач комариный, лягушечьи клики,
В недрах машины дремучее пенье,
Степи сухие и странные блики
Он не доводит до точки кипенья.

Едет и грезит в тесной камере,
И перед ним открывается море.

Черным и серым оно полосато.
За морем Турция. Пляжи пустеют.
Вот он свернет ко знакомому саду

И отлежится в хозяйской постели.
Сверток укутан в льняную салфетку,
Слоем фольги запеленут,
Толстой бумагой, за ней – папиросной.
Рыбы плывут и плывут и не тонут.

И, обнажая, бумага хрустит.
Птицы умолкли. Natura простит.

Тайной картинки огни и салюты,
Алые сполохи, зеленые зарева,
Дивы народной голые плечи,
Светлые волосы, темные брови,
Ноги в лазурных, ажурных чулках!

Об арапчонке

Собачонкою кусачей
Были в доме недовольны.
Грязно-белая и злая,
На людей она бросалась.

И собаку отослали
В золоченые конурки,
В дом призрения собачий.

Воротившись из гостей,
Видят: в темной преисподней
Вымороженной передней,
На подстилке позабытой,
Обхватив ее руками,
Спит любимый арапчонок.

Он, заслышав голоса,
Приподнялся на локтях,
Вытянулся и промолвил:
Я из рода бедных Азров,
Полюбив, мы умираем!

О скупом

Он вина в единый сливает графин.
На четверть алмаз обратился в графит
И мусор сбегается в шар.

Противоположности перетекают,
Дукаты в ночи из себя возникают
И вещь обыкновенная ни с чего
В иное себя кувыркнет существо.

Скупец, точно розы, растит медяки,
Сохранностью желтой бумаги гордится.
Любой волосок из увечных седин
В его инкубаторе переродится

В живое дите. И для этой-то цели
По дому, как кошки, урчат колыбели.

Младенцев, покуда они голосят,
Кустами пора пересаживать в сад.

Черешни срываются дюжиной пястей,
Шипы состригаются дюжиной пастей.
И я, вызревая в траве у крыльца,
Губами тянуса к подошве скупца.

О сыне и дочери

На горячей траве лежат
Молодые сестра и брат.

Хотела сказать «Господи, прости»,
А вышло сказать «Иванушка, братец,
Ты потронься, подвинься поближе ко мне.»

Тут псы бегут – они лежат,
Тут пни цветут – они лежат,
Снега пойдут небесные —
Они лежат, целуются.

Снимают платье разное,
Цветное, безобразное.
Лежат, не налюбуются,
Белея одинаково,
Лежат, неопорочены,
Без всякой червоточины.

Достали красного вина,
Он выпьет – и она попьет.
Для вящего веселия
Надели ожерелия
И отдыхают бражники.

Тогда приходят стражники.

– Бежим в камору слезную,
За ворота железные.
То подземелье лютое

Все золотом обутое,
Коврами сплошь покрытое,
Гвоздочками обитое!

Когда замки сломились
И ворота открылись,
Укрывище позорное —
Все в угольях и черное.
Чего нашли в сухой золе —
С молитвой предали земле.
Из той земли девятый год
Простое деревцо растет,
Болезное и хилое.

Там и почили, милые.

20 сонетов К. М.

Маме

(1998)

1

Взамен подушки мягкого пера.
Взамен каштана под нечуйщий локоть.
Взамен воды, какую ты пила,
Еды, какую мне, рыдая, лопать.
Как уносимый пенсией пират,
Глаза сомкня, под парусовый лепет
Читает сна бесспорный копирайт,
Где однолики шея, рея, леер,

Я шерсти клочок под кровлею ковра,
Вблизи стены, в предгориях порога,
В преддверии разборчивой горсти.
До радостного утра ли, утра
В уме белеет парус одноногой,
Как некий дух вокруг своей оси.

2

Мой друг, мой дух, мой все – отвоевал.
Слагаю руки, что очковы дужки,
На животе, в смирении старушки,
Какую уж не звать на сеновал.
Но ждем-пождем, и прыг в глаза январь.
Две жили мышки на одной макушке.
Две варежки, две стружки, две подружки.
Одна из них отмечена. Яволь.

Ей на коне являлся самолетчик,
Сын воздуха в обличии мыша.
С огнем в глазах и крыльями шурша,
Он точно моль сквозил на самоварчик,
И, смысла: полечу и почию,
Глотал стаканы жара и чаю.

3

Ей, стало быть, является упырь.
Летучий мыш, когда людей послушать.
Она и – ах, а он, увы, уплыл,

И чай уплыл, и два крыла, и лошадь.
Тогда бежит, неприбрана, на площадь,
Ложится в прах и поднимает пыль,
Тоскуя тем, что не был он поплоше,
И по-немецки вопиет: Забыль,
Убиль.

В любом окне гуляет дрозд.
Сидельный стул трещит, как хворост,
И я, его уродливый нарост,
Все ножки сотрясающая хворость,
Пейзаж мучу́ и мучаю ознобом
Под небом, как язык под небом.

4

Язык под небом скажет: Liebe Dich.
И руки похватают в обе
Заезжих лебедей и лебедих,
Гусей, гусынь, могил, надгробий.
Как яблоки у пирога в утробе,
Огни взлетаемых шутих.
А это провожается жених.
Обритый. В арестантской робе.

Округи юг. В-оконная гора —
Нога, заброшенная набок.
Бежала мышь по краешку двора.
В доме сиротствующих тапок
Как языки, висели языки.
И сумерки вставали от реки.

5

Пока темно, я думаюсь в тебе,
Как провиант в горбу верблюжьем,
Как сувенир, нечуждый в беде,
Но милый, если обнаружим.
Уже, как было, собираем ужин.
И в чем-то белом, как в бинте,
В моем глазу на тем и сем свете
Видна – а мы тужим и тужим.

Я под ковром лежу лицом к коврику
И вверена его защите.
Утопленник всплывает поутру,
Тяжелый, сколько ни тащите,
Он полон солью, зеленью, водой
И как ни тщишь, навеки молодой.

6

Там при свече, клонясь на подзеркальник,
Нагая мышь выслеживает вид
Безлюдных глаз, ушей немзыкальных,
Морщинки маленьких обид.
То на себя прикрикнет, как начальник,
Переменяется, прикроя стыд —
И, морем вспять, она уходит в спальник,
И вдоль хвоста, как берег, спит.

– А что-почто летит холодной мглой?
– Упырь крылатый с мышкой молодой —
На брачный пир, на пир венчальный.
– А кто-покто в звездах и при луне?
– Крылатый мыш на той войне, войне,
Войне прощальной, печальной.

7

– Возвыхожу, как месяц из тумана,
Плыву, кивая, по стене.
Я тот Кому, которому внимала,
О Мышь, в ночном и в тишине.
Я пустота последнего кармана,
Я нос, купаемый в вине,
Двойник тирана, бедновик романа,
Наследник копей и Гвиней.

То нотабене, что в твоём подмышье,
Как знак отличия, я алым вышью,
Сметанным островом в борще.
И будешь ты – цари... И все земное
Я дам тебе, и полетим со мною
За облаками, в те пеще...

8

Водичка слез сбегает на живот.
Язык облизывает щеки.
И кружево чулка само живет,
Врастает в бок, смежает очи,
И, как соски, проснулись пороки
И наравне протягивают рот,
И огород свершает оборот
И урожай родит на солнцепеке.

И думаешь: зачем не нахтигаль
Я хуторской, и без прописки тута?
Зачем я вертикально протяну́та,
А Бог меня, как реку, настигал?
И я ложусь в канаву к водяному,
И я кажусь окошку слюдяному.

9

Есть старики, и к ним старухи есть,
А к ним охотничьи, с фазаном, шляпы.
Церковны кресла и еловы лапы
И взгория, которыми не лезть.
Смешная мышь в платке стоит как перст.
В ее роточке сыр. Подарок папы.
Еще в автобусе хватает мест.
И драпа – на пальто из драпа,

Куда девать вас, локти и плеча.
И хлеб из тостера, загрохоча,
Взлетает лбом, как бы глухарь с черники
И тяжело, петляя меж дерев,
Летит, летит – направо или налево.
...И тостера не починити.

10

Еще искать мышинных жеребцов?
Глядеться в полужеркальце ботинка?
О мысленная мышка, о картинка,
Близнец из вероятных близнецов.
Вокруг себя кружась как пластинка,
Саму себя как дервиш утанцовывая, важно выгибая спинку —
И остановишься перед крыльцом.

– И моргенштерн казался ей аврора.
И Лорелай на этих берегах.
И все дубы последнего набора.
...Без нянюшки, без сна, без гувернера...
И все солдаты в славных сапогах.
То вскачь, то навзничь. Над и на снегах.

11

Едва сойду с вокзала, и под дых
Кулак воздушный: все тобою сыто,
Цветы в горшках, и те головки сыра,
И бедный крендель в сладких запятыях.

И хочется стряхнуть себя, как в сито,
Туда – шпионом обойдя посты —
Где ты, попонкой черною укрыта,
Блаженно дышишь в пажитях пустых.

Теперь держу, как царскую, ошую,
Большой капусты голову большую,
Холмы, надбровья в зеленой листве.
На блюде, как по площади, ношу я
Весь этот юг с тобою на главе,
Весь этот рай, что стал тебе – лафет.

12

Кто – мышь для упыря? Бутыль наливки,
Охват крыла, очарованье глаз?
Подруга дней, к которой тайный лаз,
На блюдечке оставленные сливки?
Готовая, как форма для отливки,
Сижу, сложивши лапки, бедный аз.
На передплечье светятся прививки
Предшественных и будущих проказ.

Летучий мыш гоняет стаи туч.
Под облаками светится, как ключ.
Как рысь на ветке, я на нем повисну.

И креслами, со спинками назад,
На запад, те надгробия стоят.
И кипарисы кипарисны.

13

Лежит отчетливый, как оплеуха,
На этой морде сделанный рентген
При мимолетном появлении духа.
Шарахнется впотьмах абориген,
Привяжется ворона, точно муха
Над сахарною лентой перемен,
И восседает, горбясь, как старуха,
В балконной раме и в моем уме.

Не спи, не спи, там за рекой чеченец,
Казак, курзал и красный делибаш.
Я в том году украденный младенец,
И царь лесной, и страшный экипаж.
И, полной озаряема волною,
Плыву, плыву, как рыба под луною.

14

Зачем, уплыв, спасательным буйком
Из тьмы морей всплывает мыший остов
В блокноте волн, набитых битком,
Как пальмами – благополучный остров?
Я буду говорить тебя тайком.
Срезать горбушкой. Как ладонью о стол,
Как вовремя подставленный апостроф,
Как валидол под толстым языком.

Болельщики выходят на причал.
В удоль реки стоятся телескопы,
Как пушки, на холмы наведены.
И видеть неизбежно, как печать.
Как перспектива, уводяща опыт
В теснины сна, в подбрюшье седины.

15

Я памятник воздвиг, и – ла, и – ну.
В мышиной норке, в ветхом жилище,
И на ристалище, и на кладбище,
Где ни была, куда ни помяну.
Хоть за руку одну, твою, родну,
Держатися на этом пепелище,
Где кое-что во мне находит пищу,
А я себя, как пиццу, протяну.

Как пиццы разбежавшийся ландшафт.
Как в степи – обезумевший лошак.
Как в сети – сойка, и с крыльца – невеста.
Бежит вода с нагорного чела.
Пустые шубы прячутся в чулан.
И местности меняют место.

16

Вздохни о мне, бывалая отрада,
В движении сердечных уз
Живописующей стилем помады
Листы подставленные уст.
И око расширяющей для взгляда,
И дышащей, как возмущенный куст,
И пальцев непослушливое стадо
Сжимающей в кулачный хруст.

И тело мира изменилось. Мы ж
С тобой одни, о мышь моя и мышь.
В любимый город, синий дым Китая,
В далекий край товарищ улетат.
Любые сласти можно уплетать.
И бес в ребре как запятая.

17

Заснеженный, с вороной на носу,
С гвоздикой под чугуною пятою,
Я истукан как девочку несу
И как грудную грудю питаю.
С густого неба кольцами питона
Он ринется в полуденном часу
И унесет, взнесет свою красу
Как молоко на доньшке бидона.

Две жили мышки, но одна – с печаткой.
Две жили мышки, но одна – одной.
Пристрастный воздух был ее перчаткой.

В тумане сигаретны автоматы,
Как две руки, но ближняя – родней.
И дерева пучиною косматы.

18

Die Seele fliegt, как Wolkchen в стае туч.
Скульптурицею полны палисады.
Повыше виноградник полосатый,
Как бы матрас, провесившийся с круч.
А свыше, занавешен парусами,
Сам-самолетик около летуч,
Как серый волк гремучими лесами.
И, опираясь на неверный луч,

Встает больной со своего одра.
И в сердце выйдет около ребра,
Как в дамки, danke.
И медсестра в воскресном парике,
Как поцелуй, останется в зрачке
Навеки замурована, как в танке.

19

Пятнадцатое, локоть января.
Бананы на тележке магазинной.

Сей нос и рот, обитые резиной,
Как два пропойцы, глухо говорят.
Вот это снег, чтоб походить на зимы.
Его состав никто не проверял.
Паду и я в открытые дверя
И каблуками буду уносима.

Но фокстерьер ведом по следу лисью,
Ползет норой, прочувивает листья,
И, дыбом вставши, узнаю,

Как фавна лик живой и остроухий,
С листвой на голове – зеркал во брюхе —
Большую голову свою.

20

Две жили мышки во одном тазу.
Как я и я, как мгла и где же кружка.
Голубкамышь, норушкамышь... И крышка.
И я одна по ниточке ползу.
Январь, и небо не смогло – грозу,
Ни выгнать птиц на певчую опушку,
И все, что я вложу в ушкó и у́шко,
Суть коридор, который прогрызу.

.....
.....
.....
.....
.....
.....

Würzburg, 1998

Негр

...по природе, по племени чернокожий, чернотелый человек жарких стран...

Словарь Даля

(1998)

* * *

Вот кожа – как топлено молоко.
Мороз и солнце над ее долиной.
Стемнеет, кругол, куст неопалимый.
Хребет хрустит, и тень под кулаком.

Подснежена закраина плеча.
По ней лыжня неспешная бегома
Вдоль живота, где жар и жир скворчат
Яичницей с флажком бекона.

Полмертвую рукой расправлю кисть
Листом капусты, что зубами грызть.
Свернувшись в раковине тесной
Ушной, душной или очесной
Еще ты дремлешь, дух прелестный, —

Взмороженная, как треска.
Створоженная, как тоска.
Проброшенная, как доска,
Лежу лежмя, как неизвестный.

* * *

А кричали б кошки во дворе,
Мы бы с ними выводили хором,
И протискивались черным ходом
Тощими боками на заре.
Ай и ай вопили из нутра бы,
Духом раздирая животы,
Воспевали общие утраты
И шипели, что коты.
То ли дело – деревцо, калека,
Одноногой ножкой в каше кислой.
А туда же, погуляв налево,
Как чулок, в беспамятстве провисло.
Ах, куда не жмись любовным боком,
Только ты перед любовным оком.

* * *

Одернешь дерн – а там роддом.
Как в анекдоте с бородой:
Перепеленуты, умытые,
Лежат любимые убитые.

Я как в шатре иду над спящими
В худом и теплом пальтеце,
С живою кожей на лице,
Румянцем и глазами зрящими.

Садовник, обходящий сад,
Как медсестра в грудной палате,
Где мертвые в сырой кровати
Как птахи голосят.

* * *

Возвращаясь с овощного рынка,
Упаду я, сумкой перегнута.
Вот сама себе и книжка, и картинка,
И, как шарик, воздухом надута.
В рукаве протянутого снега
Возлежать, желтея леденцом,
Отражая измененья неба
Небу мальим лицом.

* * *

Небо пегое сегодня реяло
Пробежавшим рысаком.
Точно воском, музыкой из плеера
Уши налиты битком.

Фартуком вися на милой шее,
Созерцая облака,
Все-таки как варежку нашарю
В рукаве я двойника.

И увижу: на родную хату
Туча надвигается, брюхата,
Горожанин покупает виску,
Почтальон уносит переписку.

Я и я как две американки
За туземцами следим.

Белы день и простокваша в банке.
Ложка медлит посреди.

* * *

Дивана – смирной, бурия скотины,
Я к боку льну, переживая тем,
Что вот уже и слезы некатимы
И – изживотный голос нем.

Садится солнце. Седина столицы,
Мороз ея, и ал подъемный кран.
В глубоком теле – как подводный храм —
Переварятся подставные лица.

Как ясно. Зарастая, что в ушах
Назначенные дырки для сережек,
Все ниже, ниже памяти порожек,
Чтоб без усилия давался шаг.

Как беженка откуда молодая
Горячей ванной тешится в ночи,
А я ее сквозь стены угадаю.

* * *

Сиреню обедаюь на рассвете.
По лепестку сначала, по соцветью.
Потом горстями, через не могу.
И отвалюь. И глазом не моргну.

Сей весь букет пожру, и куст с корнями,
И сад с заборами, когда бы под рукой,
Сарай на скате, косогор с конями, —
На щастие, в желудок, на покой.

Чем голову в такое окунати,
Как бы канатоходец на канате,
Сама обрушу этот колизей
Со гладиатором – во львиный зев.

* * *

Беженкой молодою
Тешусь проточной водою,
Пеной обшарпанных ванн,
Сладостно подвивая,
Сквозняку выдавая

Локтей и колен острова.

И десять – на кафеле – синих, как пламень —
Блестящих ногтей ноговых!

Солнце клонится низко
Под красную занавеску.
Светом запятнаны щеки,
Вареньем испачкан рот.
Белые, мелкие зубы щуки.
И тела подледный рост.

Во бумазейном халате
В бедном конверте кровати
Буду я, буду тебя вспоминати.

Каждым большим полотенцем.
Каждым цветным ноготком.

* * *

Уж и не знаю, что поделать,
Дабы возник на этой кухне.
Реку ль разборчивою девой:
Аминь, рассыпья и порухни?

Уж так-то мы с тобой похожи,
Что сходство кажется позорным,
Как то, что черепа – под кожей
И что – под стриженным газоном.

Мерцают горлышки бутылок.
Лежу, белея одиноко,
Как будто я тебя обмылок,
Сиамского лишенный бока,
Во тьме ночной, как Ли Цин Чжао
В ночи китайской лежала.

* * *

Шерстью с овцы в ноги валится волос.
Ножницы – щелк; запах воды и лака.
Вот голова гола и бедна как волость,
И полотенце над нею как плащ-палатка.
В каждый бы зуб вживить бриллиант алмазный,
Чтобы по миру ходить как больной заразный:
Выйти из парикмахерской майским полднем
Платиновой блондинкой в одном исподнем.

* * *

Последня козырная карта —
Кариатида в центре марта
Еще как римлянка-волчица
Сосцами серыми кичится.

Жива от пояса и выше,
Как череда музейных кресл:
Горящи окна в месте чресл
И дыбом волосы до крыши.

Ложусь как профиль на медаль
На все прилавки магазина.
Так протяженная педаль
Нутро изводит пианинно.

Я буду к ней ходить с букетом.
Я буду с нею спать валетом,
Одушевя ее лубок
Как полубогий голубок.

* * *

Перецветаю в негатив,
Природе глупой угодив.
Темнею кожей от нег,
И лик недавний желтопег,
И пробегающий румянец
Зеркален как сапог и глянец.
Но место, где тебя поставлю,
В глазу закроется как ставни,
Отсохнет за вечер рукой
И переубежит к другой.
Вотще себя я понукаю.
Вотще мигаю и лукавлю.
И каждое мое угу
К тебе клонимо челобитной
Как бы пастушка на лугу
Перед коровой чернобелой.

* * *

Чтоб, неразумное, не голосило,
Телу пальто покупается в талью.
Я под сорочкой зияю, как сито,
Перед горячей ночами плитой.

Ребра навывкате, скулы наружу,
Сложены губы, кругляся на «ю».
С места не встану! Боюся: нарушу
Шаткую архитектуру свою.

* * *

Все нелюбимо съезживается.
Что выбрано – на раз большает.
Был шерсти клочок – ан с лапами лиса
И сладко чешут за ушами.

Когда глаза имела голубы,
Лица фарфор и плечи-плахи,
Иль не ходила в милые дубы
Как в обмороке я в уплаке?

В бумажной и оберточной коре,
В посмертной темноте теряя разум,
Точит слезу селедка в серебре
И я запятнана любовным глазом.

* * *

То прозрачный ноготь сгрызен в корень,
То проснутся волоса седыми,
То громоздкий шелк, вчера покорен,
Искажается в огне и дыме.
В запустеньи, как изба-читальня,
Украшая сумрачные бревна,
Как весна меняю очертанья
И себе заглядываю в брови
И гуляю в собственном ущербе
Точно горец в братственном ущелье.

* * *

Снежны пригорки, и воздух нечист.
Напряжена, как нога балерины:
Скажешь «Чирик» – откликается «Чиз!»
Птица. И тени от тяжести длинны.

Так над долилкой стою как баран,
Лоб оперевши в такой же соседа,
Как сообщающиеся сосуды
Или сугроб во середке двора.

Как рукава незапамятной шубы:

Свет одесную, свет и ошую.

* * *

Вывеска: что магазин белья.
Уши: расцветающие мальвой.
Шаг: как бы по льду, но и нормальный.
Рот: захлопнутый на «Я...»

Так этаж внимает этажу,
Лестницей сбегая на площадку.
Так Тангейзер во Венерин грот
По траве украшенной идет.

Раз меня губами не касаются,
Буду спать, как спящая красавица,
На ходу, а как бы на перине,
Что там слева ты не говори мне.

* * *

Две серьги, хранимые ушами —
Карты двух небесных полушарий,
Двух цветистых, кружевных.
Алый розан в каждой середине,
Точно пуп в окошечке бикини.
Кромкою морской окружены.

Их бы склеить – получился глобус,
Над которым, счастлив, помирай.
И, жива еще, вхожу в автобус:
В каждом ухе – полурай.

* * *

Тело то, сотрясаемо икотой,
Слезну влагу по личику точаще,
Тем не мене над женственной пехотой —
Как Чапай на грохочущей тачанке.

В сердце ваше я вдвинутая буду
С каблуков и по стриженое темя:
Так Свобода седлает баррикаду
И враги на станицу налетели.

* * *

Что мне с того, что утро в снегу по лоб,

И отплывает автобус, и свет в ларьке?
Тело, в постелю падающе, как сноп,
В неживом одеяле, как в кулаке.

Ну-ка, девушки, тот ли услышу звук,
Что в одичалое ухо войдет, как перст,
Что обнаженную кожу сведет, как зуд,
И на загривке поднимет шерсть?

Как со ступени на нову перевалясь,
В сон изо сна выпадаю, как под бугор,
Будто гранит, ваятеля убоюсь.
Словно не я, а чего-то горб.

* * *

Поворотимся на восток ли
Глаз одинаких четырьмя,
Двуполовинками бинокля,
Виньетками тебя и мя?

Есть двусторонни зеркала.
Они уменьшат-увеличат.
Возьми себе, какое личит.
Взамен оконного стекла,

В котором я лицом близнечным
Ли, братской чашкою весов
Сейчас задвинусь, как засов,
И поживиться будет нечем.

Се – я себе не силомер.
О чем жалею до сих пор.

* * *

В кресле шатучем, руки на ручки,
В пледе – как в отпуску,
Ежася от мороза,
От щиколоток до скул,
Как два дня до полочки,
Вся я себе заноза.

Так балерина обидна пачке.
Содержимое оболочке.
И как воздух из недер шара,
Выпускает себя душа.

* * *

Прекрасен трамвай, испещренный рекламой,
Как шкура пятнист.
Над улицею, за оконною рамой,
Висячие гроздьи монист.
Лежу животом на ребре подоконном,
Любуясь на снижную волю,
Волнуюсь, как море под тем пароходом,
Под небом, взошедшим на выю.

* * *

Аист стоит на единой ноге.
Ниже – стемневшее поле.
Небо светимо в своей же фольге.
Ах, спотыкаясь, как пони,
Ленью седлаема, оком вертя
Искренним, неукоримым,
Перебираюся через путя.
Кроюся пасмурным гримом.
Окаменевши, и стать бы столбом.
Вот и товарищ тебе, дискобол.
Из-за дубравы, чашей молчащей,
Чудный выходит месяц горчащий.

* * *

Какие карты – о тебе в пасьянец?
Каких об имени пытаю пьяниц?
День понеделен, вторничен, срединн,
Чист как паркет, пока не наследим.
Вот каждый час катит к тебе составом
И выпирает изо дня суставом,
Морскою свинкой с золотым билетом,
Кипящей сценою с кордебалетом.

Как бы гадалка, но не угадалка.
Как бы сидеть на коробе в прихожей
В день понедельничный, белопогожий
И ждать подарка.

* * *

На тело-на голо пальто нахлобуча,
Ключами бренча, в коридоре бегуча,
Животным я из норы

Гляжу из замочной дыры.

И вижу: седеющ, как шерсть ноября,
В проеме колеблется воздух един.
Тогда удаляюся, как господин,
Двумя голосами в себе говоря.

* * *

Будь гнездом моим заочным!
Красный дом что красный угол:
В левом глазе привосточном —
Непрерывный жаркий уголь.

Как хожу я к эстакаде,
Боком к боку льня чужому,
Как стекло в пустом стакане
Ждет присутствия боржома,

Под руку тебя веду на
Красный дом, который знаю.
Ночь вокруг него – как дура.
День вокруг него – как знамя.

* * *

То Ява мотоцикл краснеет в серебре
Несрочною весной на комнатном паркете,
И мы живем при нем, как племя при горе
И родословная к анкете.
Когда за ним придут – невестой из невест
Его перехвалить и возвышать стропила,
Чтоб слепо оставлял испытанный насест.
Но я его не торопила.
Он между нами жил. В жилище и без пищ.
Как на конюшне конь. Или в ночлежке нищ.
Как лишнее ребро – но лучшее – каркаса,
По дому моему – во всю длину Кавказа.

* * *

Я милое забуду как походку.
И сонных штор движенье поутру
При свете совести сойдет в охотку
За приоткинуть черную чадру.
Мигни – скажу – глазок, мигни другой.
Пошевелю протяжною рукой.
Ступну ступней на половичный холод.

Прочувствую тепло, светло и голод.
Как в шаре шар, в беседке ли скамья,
Сижу в здоровой мне здорова я,
Как в зеркало глядясь в воронье стадо,
Что составляет одеянье сада.

* * *

Кос бы хна? и перстни в серебре?!
Нет – хотя бы глаз калибры!
Устрашает – мухою колибри
Вьющаяся в розовой заре.

И, к свиданью личико окрася,
Страшные глаза ему рисую,
Точно вор в гостиницу пробрался
И банкноты спелые тасует.

* * *

Меха до пят, и ноги – как мечи:
Чтобы – блеснет – и головы долой.
Высовываться шелком из парчи.
Мягь кружева пальтовой под полой.
С тем, чтобы ту и эту красоту,
Завив, переодев, позолотив,
Поставить мною (чайник на плиту) —
Шумя дышать и паром возойти.

* * *

То север сна. В подушке голова,
Все пальцы ног указывают к югу,
И я лечу, как на канате юнга,
Вращаясь, как в битве булава.
Когда-когда и я тебе приснюсь
Ландкартою, разложенною гладко:
Там два полярника, одна палатка,
Одна галета и последний раз.
Нет, ежели сниться – то (в какой-то спальней)
Как безвозмездная величина:
Слезой постоянною, наскульной,
Которая как лампа включена.

* * *

Лицо накрыв, что в праздник стол,
Помадой, черными очками,

Сквозь них темнейшими зрачками,
Отрадою. – И все, и стоп.
Вода, шумящая на Банном,
Как выпускница перед балом,
Имеет полные права,
А я при ней и неправа.
Мое желание едино —
Себя держать у середины
Стола чужой биографи.
Сияя, как цветной графин.

* * *

Побегите прочь вы, стихи, мелькая,
Как разносят крысы чумну заразу,
Чтобы приглянуться милому глазу,
Серый ли, карий.
Как ломают лыжи слетая с горки,
В поясе ломайтесь ему в угоду,
Не перекликайтесь и мне вдогонку:
Боле не буду
С вами я. В иную влезу обувку,
В личико иное лицо просуну,
Как бы домработница на прогулку,
Вымыв посуду.
Побегите прочь вы, мои, к поклону
Пясти растопыря и рты разиня:
Лакомой запиской, клочком картона —
В полной цветов корзине.

Тут – свет

(2001)

* * *

Тот птиц, и сидятельный, и поющий,
Был явственно мой комиссар,
И словно скакун обгоняю-ющий,
Под ним кипарис воскресал.

Тот птиц, самодвижущийся на свободу,
Был мой боевой генерал,
И раннего льда садовую воду,
Как пайку, газон пожирал.

Тот птиц, иль не тот, но не больше полушки,
Был, думаю, мой суверен,
И профиль его на воздушной подушке —
Досмертный при мне сувенир.

Я, мама, бабушка, 9 мая

Из троих, сидящих за столом,
Лишь меня есть шанс коснуться
Прямым, расплющить кулаком,
Осязать уста и руце.

Но зато, как первое объятье,
Мы сидим втроем в едином платье.

Со хвоста невидимого пса —
Богом скрытого семейства —
Воздеваю к небу волоса,
Слезы, гений и злодейства

И стою пешком у поворота:
Рода наступающая рота.

Оттого и каждый день Победы
Выше на один этаж,
На котором мы ведем беседы
Тройственные, как трельяж.

* * *

1.

Я памятник тебе на месте этом зычном.
Скамейки на горбе. Слегка навеселе.
И он не зарастет – он в саде Ботаничном,
Где праздных каблуков не сносит населе.
Любой безлюдный метр, повыше ли, пониже —
Футляр для тыия, пустая нами ниша.
Закрыта, как бидон.
Как бочка, где Гвидон.
Блаженный уголок,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.